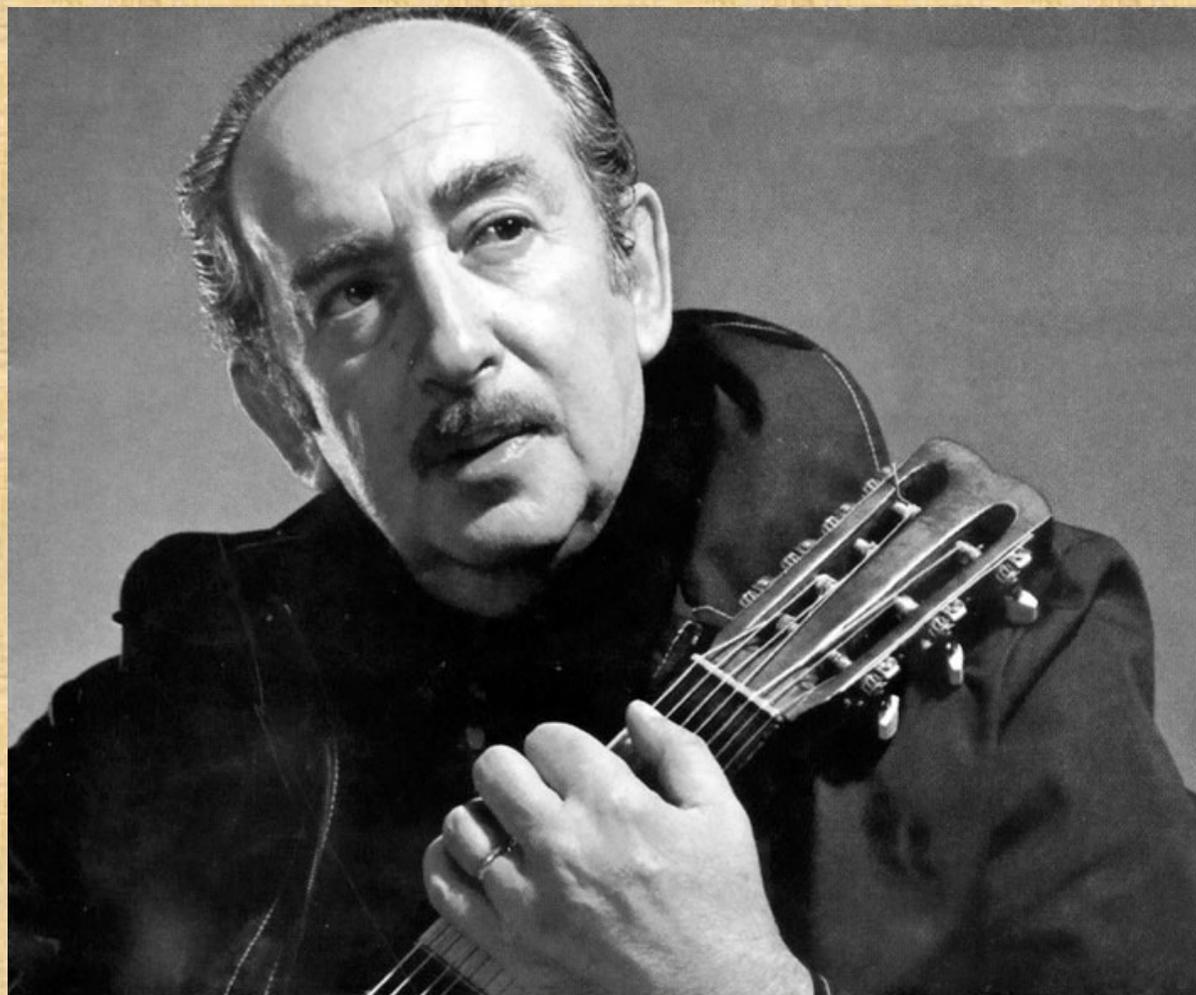

Александр Г-ал-ич

Гинзбург Александр
Аркадьевич

поэт
актёр
сценарист
драматург
бард
прозаик

Mladší bratr Valerij,
matka Fanni Borisovna Veksler

Otec: Arkadij Samojlovič Ginzburg

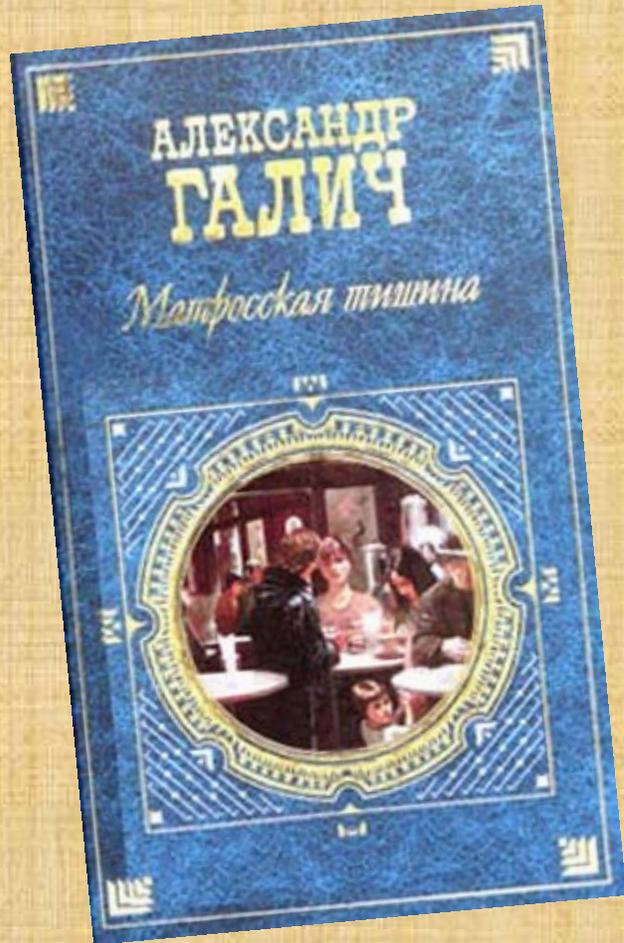
Moskva, Dům Veněvitinova (foto 2007)

Rodina Galiče

Matrosskaja tišina – (dokončena 1958)

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

- Сердце моё заштопано,
- В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И - свистите во все свистки!

...

- Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

- Я выбираю Свободу -
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.

- Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казённой пайки*,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу,
Я пью с ней нынче на "ты".
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты,

Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут,

* „pajka“ - příděl (pro vězně)

**Я выбираю Свободу -
Пускай груба и ряба,
А вы - валяйте, по капле
Выдавливайте раба!**

По капле и есть по капле -
Пользительно и хитро,
По капле - это на Капри,
А нам - подставляй ведро!

А нам - подавай корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!

**...И мне говорит "свобода":
- Ну что ж, - говорит, - одевайтесь,
И пройдёмте-ка, гражданин.
1970**

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь - ты не смейся, - когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,
По еле заметному следу к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...

Послушай, послушай - не смейся, - когда я вернусь,
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможней,
И прямо с вокзала в крошечный, ничтожный, раешный
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...

Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах уютского хлеба,
Ударит меня и заплещется в сердце моем...
Когда я вернусь... О, когда я вернусь...

Когда я вернусь, засвистят в феврале соловьи
Тот старый мотив, тот давнишний, забытый, запетый,
И я упаду, побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои,
Когда я вернусь... А когда я вернусь?

ABAKAN (hl. město Chakaské rep.)

+5°C – průměrná roční teplota
vzduchu

Kolyma – hov. oblast v povodí
řeky Kolymy (Magadanská,
Jakutská oblast)

-3°C a níže – prům. roč. teplota

**Kuře tabaka
(gruzínská kuchyně)**

Петербургский романс

...Быть бы мне поспокойней,

Не казаться, а быть!

...Здесь мосты, словно кони -

По ночам на дыбы!

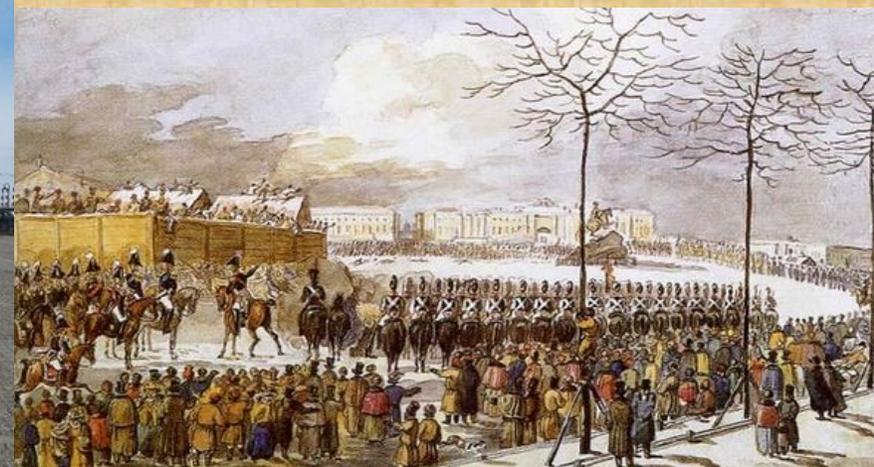
Здесь **всегда по квадрату**

На рассвете **полки -**

От **Синода к Сенату**

Как четыре строки!

[...]

Петербургский романс

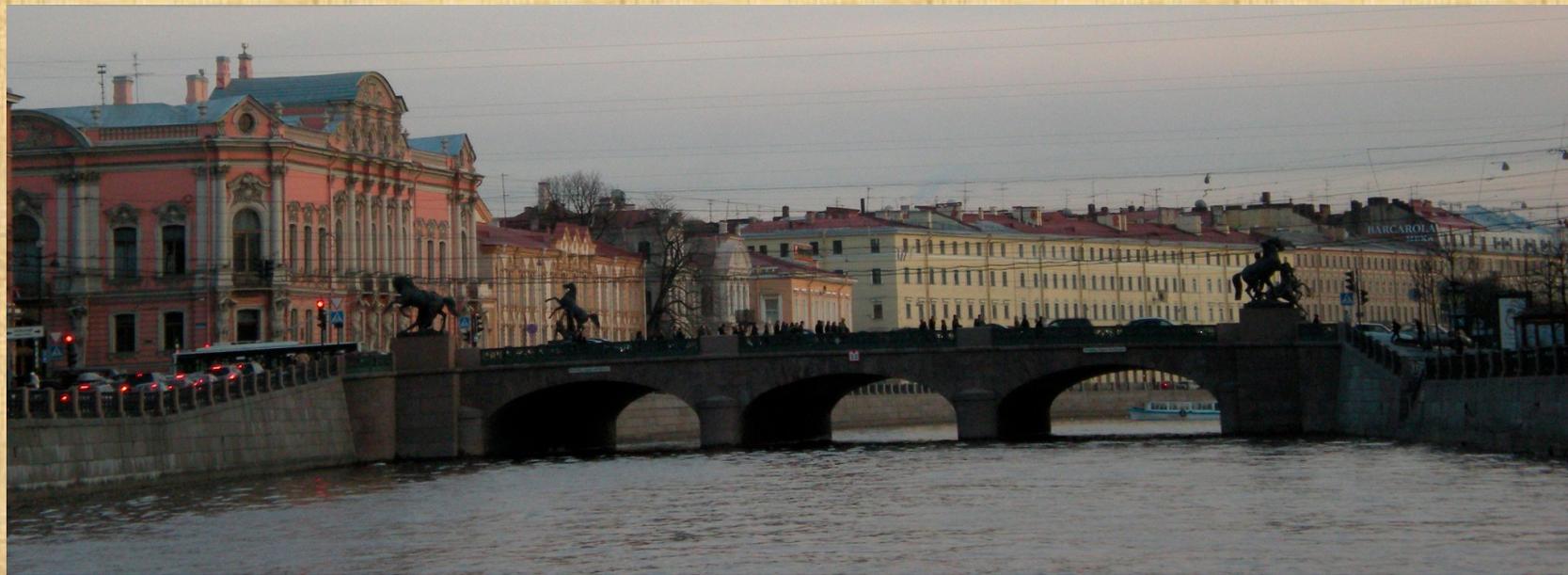
...Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал: "Тираны!"
И славил зарю свободы!

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
**Будут Клодтовы кони -
Подчиняться узде?!**

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас -
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,

Можешь выйти на площадь
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

22 августа 1968 г.

Памяти Б. Л. Пастернака - Na smrt Borise Pasternaka

(překlad M. Dvořák)

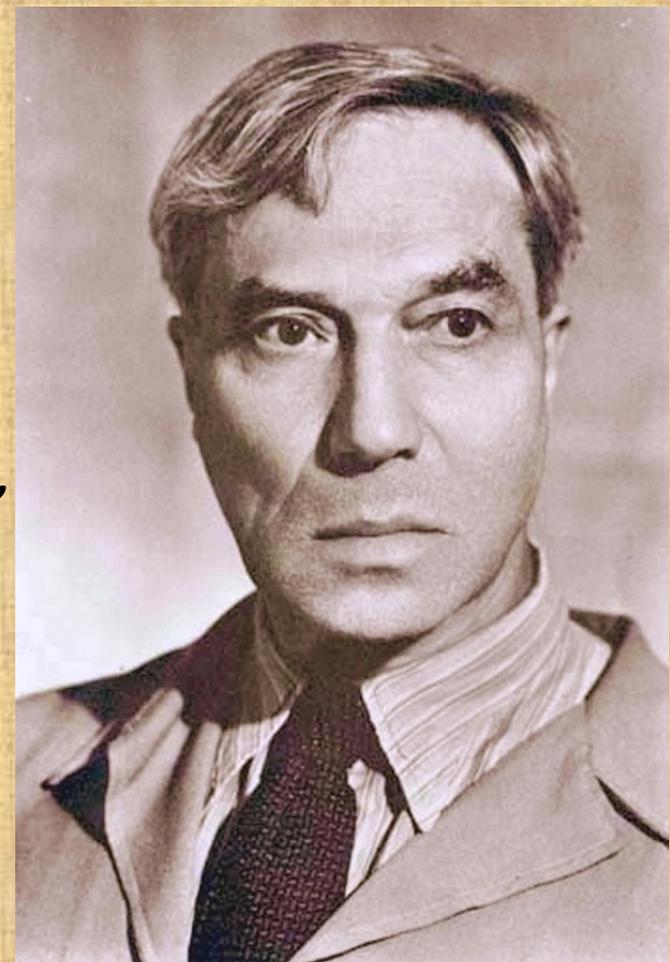
„Vedení Literárního fondu SSSR oznamuje úmrtí spisovatele a člena fondu Borise Leonidoviče Pasternaka, který zemřel ve věku sedmdesáti let 30. května t. r. po dlouhé a těžké nemoci, a vyslovuje soustrast rodině zesnulého.“

Tak zněla jediná zpráva o smrti Borise Pasternaka v sovětském tisku.

Teď si personál věnce rozdělí,
něco zbude i na truchlící.

**Na to, že umřel ve své posteli,
jsme tak hrdí, my současníci.**

...

Разобрали венки на венки,
На полчаса погрустнели...
**Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!**

"Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела..."

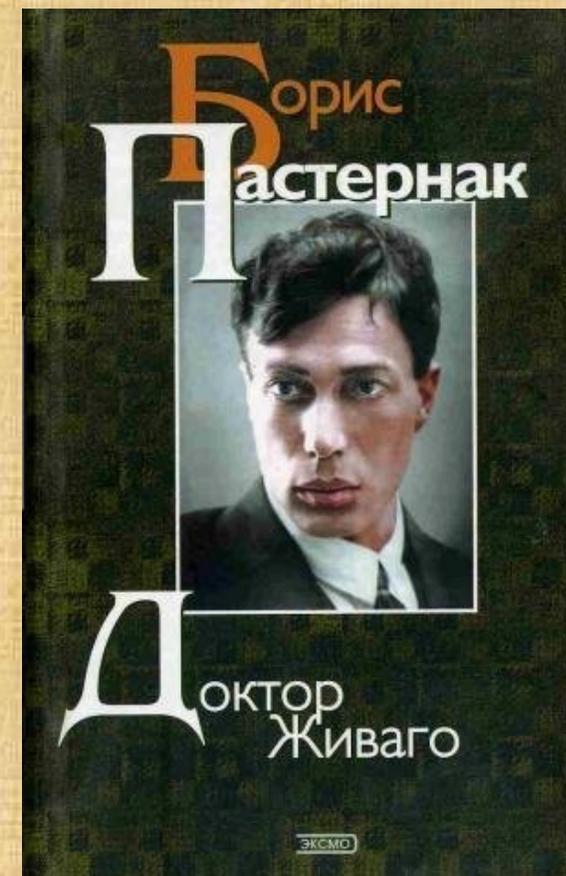
Нет, никакая не свеча —
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере!

„Zalehla zemi doběla zlá metelice,
na stole svíce hořela, hořela svíce..."

Ne, žádné svíce nebyly,
to lustr zářil,
to tančil odlesk na brýlích
v katově tváři.

A sál byl vlažný, znuděný.
Ať si ho drtí.
Nejde o lágr, vězení,
ani trest smrti.

"Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку..."

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародёры
И несут почётный **ка-ра-ул!**

Переделкино,
4 декабря **1966**

„Utichl hluk, když na scénu jsem vyšel,
jenom rám dveří svírám v objetí.“

Spory, světská marnost mrtvy leží.
Ty se, věčný, o ně nestaráš.
A jen kolem rakve marodéři
pořád ještě drží čestnou stráž.

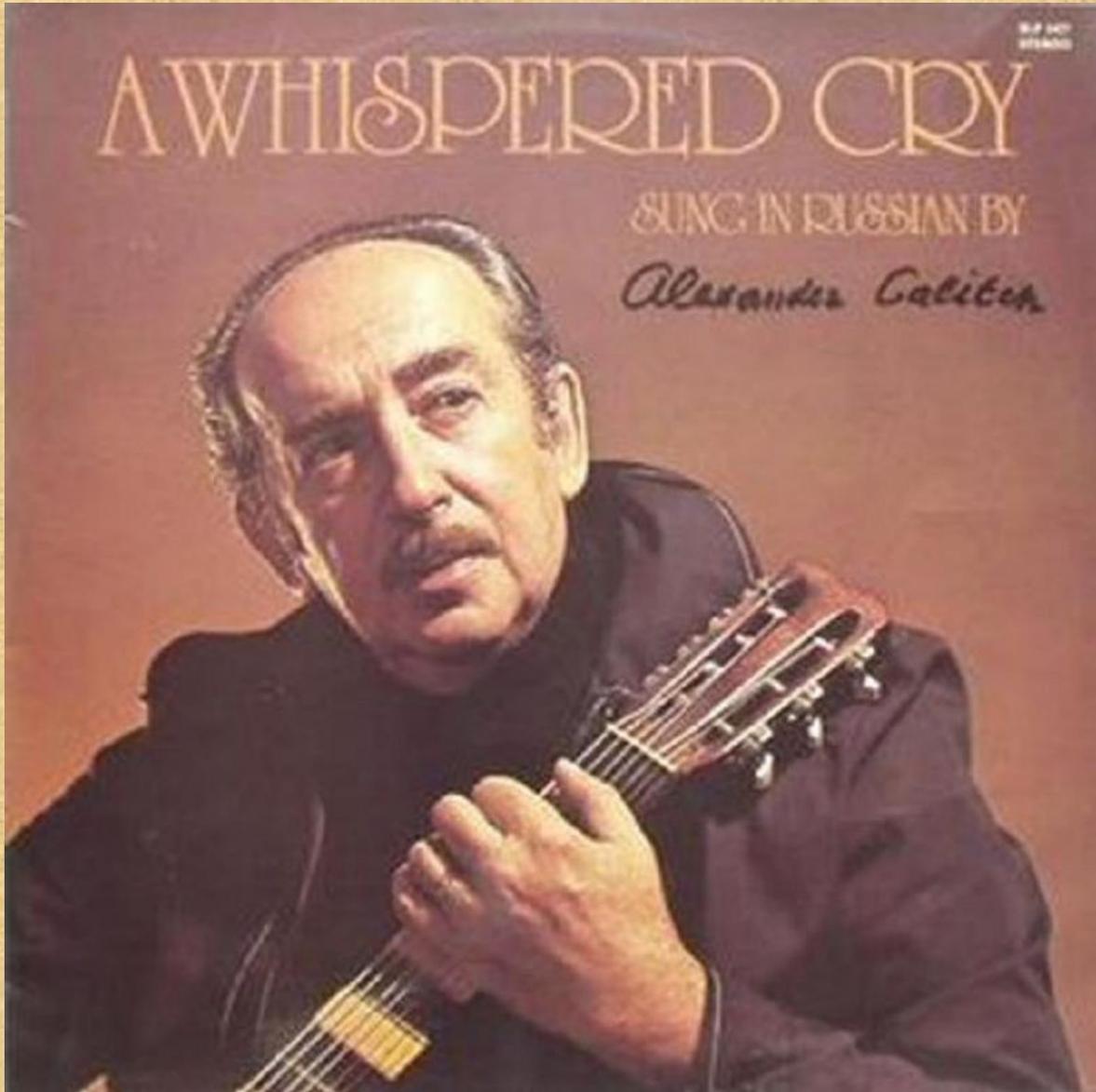
Závěr písně Balada o věčném ohni (překlad M. Dvořák)

Na březích Kamy a na březích Obu
žádné kytice růží se nekladou k hrobům,
jsou jen místo věčného ohně v té zemi
štosy klád, štosy klád, štosy klád
odvětvených...

Ta rána ať živé
už napořád bolí.
Jen, trubko, dál zpívej,
dál vyzývej k boji.
Rozechvělou žestí
zpívej o neštěstí,
jak bratr můj brodí
ty ledové vody.

Co jen ta hořká žesť všechno chce říct:
Vstaňte a bijte se, zpívejte víc,
tumbalalajka, špíl balalajka,
písnička, s kterou jste smrti šli vstříc.
Tumbala, tumbala, tubmalalajka,
tumbala, tumbala, tubmalalajka,
tumbalalajka, špíl balalajka,
srdce mi puká a propuká v pláč.

Gramofonové desky

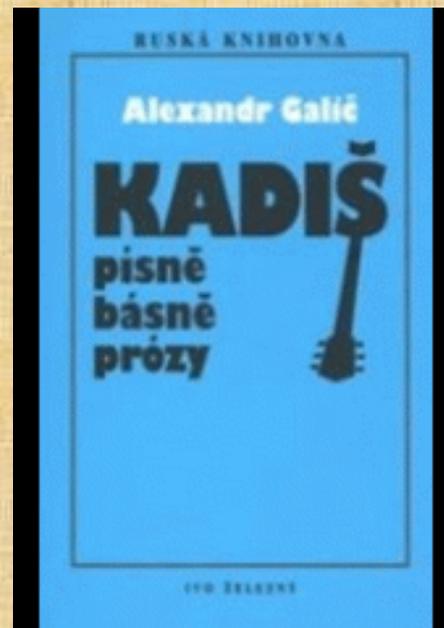
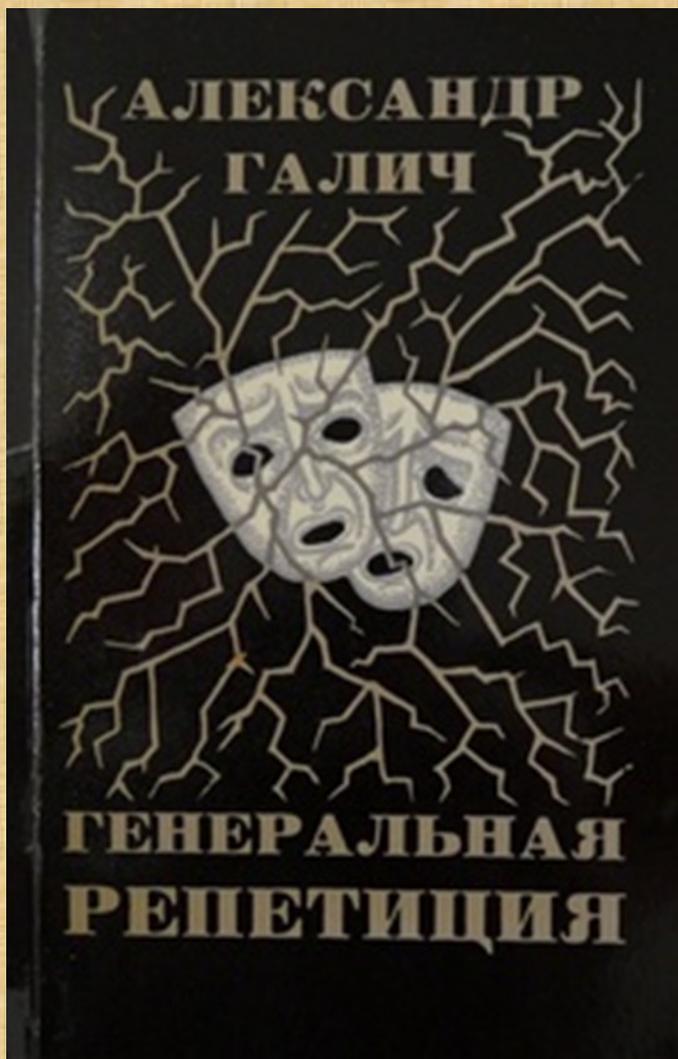

Norsko, 1975 (Křik šeptem)

Izrael, 1975

Kniha Generální zkouška

Rusko, 1989 (Až se vrátím...)

Rusko, 1990 (Noční hlídka)

После

вечеринки

Под утро, когда устанут
Влюбленность, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: - Хотите
Послушать старую запись? -
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет звучать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

Po večírku

K ránu, až se unaví
zamilovanost i smutek i závist
a hosté si dají „vyprošťováka“
a napijí se vody s ledem,
řekne hostitelka: „Chcete
si poslechnout starou nahrávku?“
A můj sotva slyšitelný hlas
Vstoupí do neznámého domu.

A kostky ledu ve sklenici
zazvoní lehce a křehce
a podivný vzor na ubruse
začne kreslit ruka
a bude znít kytara,
a bude se točit páska
a na dalekou cestu do Abakanu
se vydají oblaka...

И гость какой-нибудь скажет:
- От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!
- Ну, что вы, Иван Петрович, -
Ответит ему хозяйка, -
Боятся автору нечего,
Он умер лет сто назад...

A někdo z hostů řekne:
„Z těch legrácek zebe
a autor si mylně myslí,
že jemu čert není bratrem!“
„Ale prosím Vás, Ivane Petroviči“,
odvěті mu hostitelka,
„bát už se autor nemusí,
zemřel asi před sto lety...“

1970